

Ю.В. Веселов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ОДНОГО ГОРОДА: ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА

В экономической социологии сегодня хорошо представлены разнообразные области исследования — социология рынков, социология денег, социология потребления, социология производства и т.д., но до сих пор нет экономической социологии города. Хотя нет никаких причин, по которым экономическая социология не могла бы заниматься исследованием городского пространства и других территорий. Родственное направление, наиболее близкое по смыслу — это существующая в академической среде США традиция преподавания «политической экономики города» («urban political economy»). Мне хочется обратить внимание читателей на особенную проблему города — ни экономика города («urban economics»), ни социология города («urban sociology») как направления исследования сами по себе не ставят задачу рассмотреть взаимное влияние экономики, политики, культуры в городской среде, а это порой важнее, чем что-либо другое. Я попытаюсь доказать это утверждение на примере Петербурга.

Ключевые слова: экономическая социология города, городское пространство, экономика Санкт-Петербурга, культурный и символический капитал города.

Key words: urban economic sociology, urban space, political economy, St. Petersburg, cultural and social capital of a city.

Пространство оказывает большое влияние на образ мыслей...

И. Бродский

Задача данной статьи — нарисовать портрет Петербурга с точки зрения экономической социологии и тем самым очертить (не более того) контуры экономической социологии города. Все, что говорят экономисты об эконо-

мике Петербурга, не более чем правильно, но, тем не менее, не отражает существа дела. Дело в том, что экономика Петербурга никак не отделяется от его культуры и искусства, истории и географии, общества и политики. Без них всякая возможная привлекательность Петербурга как-то теряется, стремительно приближаясь к нулю. Кроме того, хороший портрет отличает не фотографическое сходство, а, прежде всего, идея, замысел художника — как выделить те особые черты, которые точно передают характер изображаемого человека. Поэтому здесь необходима методология (которую и дает нам экономическая социология), а вот множество статистических данных (которые так любит представлять любая городская администрация, и что, видимо, отражает хаос в ее, то бишь, администрации, голове) вряд ли что-нибудь скажет об экономическом характере Петербурга. Нужно ответить на вопрос: какие у Петербурга особенные (или характерные) экономические черты и как эти черты соединяются с социальной и культурной средой города. Тогда станет понятно, почему именно Петербург и его жители сегодня должны привлечь внимание инвесторов и мирового бизнеса.

Петербург и Россия

Петербург всегда был вне России, но в то же время и вместе с ней. Он находится на западной границе России (до Евросоюза в его финской версии рукой подать), т.е. почти вне России или на ее окраине (не в центре), всю свою историю противопоставляя себя России как самый западный город в географическом и (что важнее) в культурном значении этого слова. Петербург больше европейский и западный, чем самые что ни на есть западные европейские города, поскольку планировался и создавался исключительно как копия европейского города, а вот вышло, что копия, или такая «культурная подделка», наверное, лучше оригинала. Она в зримой архитектурной форме отражает рационализм и сдержанность именно западного сознания без примесей «азиатчины» (в Москве, например, другое — форма кремлевской стены, особенно ее зубцы, мне больше всего напоминают стены мавританских крепостей в Алмерии).

Еще Петербург морской город, а ведь Россия в старые и новые времена страна в основном сухопутная. Рядом «море на букву Б», напоминает петербургский житель Иосиф Бродский, объясняя, почему он не мог бы жить в Москве — если рядом море, то пространство города остается открытым, что, в свою очередь, как мне кажется, «открывает» сознание всему остальному миру. В советские годы именно моряки, приходившие с «загранки», соединяли город с европейским миром, обеспечивая его всякой «западной разой» — это были сигареты, джинсы, пластинки, кока-кола и (о, ужас!) даже доллары. Мне тогда трудно было даже представить (не в смысле уголовной статьи за валютные операции, а в смысле функционалистской социологии) — ну зачем советскому человеку доллары, для чего, что он с ними делать будет, т.е. какова их социальная функция? Я согласен с еще одним петербургским жителем Сергеем Довлатовым, который так говорил о своем городе: «Я думаю, это наименее советский город России...» (Довлатов 2004).

Только, может быть, Одесса (с ее «привозом») в то время могли соперничать с Петербургом своим закаленным морским характером, обращенным в сторону Запада. Еще раньше, в семнадцатом столетии, морскими воротами России был Архангельск, и вот вам его культурное следствие — вторым и распространенным языком в городе был голландский. Петербург переманил голландцев, именно они первыми пришли морем на стрелку Васильевского острова, они же и дали язык, но не как разговорный, а только для обозначения города — Санкт-Питербурх (Sankt Piter Bourkh) звучит по-голландски. Немцы, вопреки распространенному в России мнению, ни в чем не виноваты (что им не помогло в 1914 году, когда на волне антигерманской истерии Санкт-Петербург был переименован в Петроград, т.е. сначала Петр священный превратился в Петра профанического, а там уже один шаг и до предсовнаркома). Но немцами в России называли всех иностранцев — все, кто не умел говорить по-русски, были немцы или «не-мы», следовательно, все правильно — голландцы те же немцы, так им и надо. Всю свою историю (за исключением советского времени) Петербург как магнитом притягивал этих немцев-иностранцев, они себя чувствовали здесь как дома, превращаясь во всяких Карл Ивановичей (архитектор Доменико Андрео Трезини, например, стал Андреем Якимычем) и удивленно встречаясь с Азией только в некотором проявлении характера жителей города.

Но Петербург всегда был вместе с Россией, ведь сначала вся Россия с огромным напряжением сил его строила и заплатила за него немалую цену, измеряемую, кроме всего прочего, в человеческих жизнях — население России за годы петровского правления сократилось почти на треть, жители Петербурга изначально были из других мест, и даже теперь названия кладбищ (Смоленское) напоминает нам об этом. Поэтому рискуем назвать Петербург самым дорогим проектом (это модное словечко теперь к месту) Российской империи. Затем блестящий Петербург управлял страной (оставим качество этого управления за скобками) и в итоге создал империю колоссального размера (как-то раз правительственная депеша из Петербурга до Аляски шла три года), жестокою и бессмысленною, чтобы в начале XX века самому же ее и уничтожить. В XX веке жил Петро-и-Ленинград (звучит очень по-испански) одной жизнью с Россией — голодал вместе с Россией в гражданскую войну; на волне уже не антигерманской, а советской истерии получил имя Ленина (в действительности ведь не имя, а псевдоним-«погоняло»); был репрессирован в сталинскую эпоху; самоотверженно воевал, окруженный кольцом блокады, в Отечественную; как бы в издевку вернул власть Романова в 1970-е; прозябал в годы застоя, будучи «столицей» русской провинции; митинговал в эпоху «перестройки» и домитинговался до обратного переименования в Санкт-Петербург — круг замкнулся.

В новом тысячелетии Петербург, оставаясь после всех метаморфоз самим собой, но растеряв столичные функции вместе с присущим им лоском, но также и пошлостью, глядит в будущее вместе с Россией. Всерьез никто не рассматривает политический проект отделения Петербурга от России (хотя

создание северо-западной Ингерманландской или Невской республики время от времени обсуждается «творческой интеллигенцией»). И в экономическом плане представить Петербург вне российской экономики и политики вряд ли возможно. Поэтому, чтобы охватить взглядом пространство Петербурга, для начала несколько слов об экономике и о России в целом.

Сейчас Россия, как недавно Китай и Индия, входит в число стран, «обязательных» для мировых инвесторов. После распада СССР прошло уже больше 15 лет, изменилась структура российской экономики, вместо планового хозяйства сложилось рыночное и кое-где вполне капиталистическое. Общие экономические показатели России выглядят не так уж плохо — экономика явно была на подъеме до наступления мирового кризиса в 2008 году, валовой внутренний продукт на российскую душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности, составляет 14 600 долларов США (так считает ЦРУ, и, наверное, в таком вопросе им можно верить, см.: CIA World Factbook 2008). Для сравнения возьмем одну развивающуюся страну из BRIC (это будет Бразилия) и развитую (Великобритания): ВВП России на душу населения больше, чем аналогичный показатель в Бразилии — 9700, но гораздо меньше, чем в Британии — 35 300. Темпы роста валового продукта также в нашу пользу: они в среднем составляют 7% в год, в отличие от 0.2%–0.5% Бразилии, 2.9% Британии. Трудовые ресурсы России — 75 млн. человек, что вдвое больше, чем в Соединенном Королевстве, немного меньше, чем в Бразилии (но в 10 раз меньше, чем в Китае). Структура занятости по секторам экономики вполне современная: 10,8% заняты в сельском хозяйстве (в Бразилии 1/3), 28.8% — в промышленности, 60.5% — в сфере услуг: чем не постиндустриализм? С точки зрения конкурентоспособности в мире (в комплексном индексе оцениваются с помощью опросов в разных странах качество институтов, инфраструктуры, макроэкономическая стабильность, здравоохранение, образование, рынок труда, уровень развития товарного и финансового рынка, научно-технические достижения, развитие бизнеса, размер рынка — вот что нам особенно помогает — и инновации) Россия занимает 51 место, Бразилия — 64, Великобритания — 12 (см.: Global Competitiveness Report, 2008–2009).

Финансовые показатели России до недавнего времени выглядели просто прекрасно — все последние годы (а это 8 лет!) государственный бюджет сводился с профицитом (4% ВВП в 2008 г.). Внешний долг России в 2003 г. составил 184 млрд. долларов, погашался он досрочно и к 2007 г. составил 47 млрд. (8% ВВП, а в 1998 г. составлял 147% ВВП), что сегодня является одним из самых низких показателей в Европе, в Бразилии внешний долг в 2003 г. составлял 254 млрд. и сейчас достигает около 50% ВВП, уровень государственного долга Великобритании — около 40% ВВП. Все рейтинговые агентства присвоили России инвестиционный уровень, — даже в 2009 г., согласно рейтингу S&P, это уровень ВВВ, чуть выше чем уровень Бразилии. Золотовалютные резервы России с 12 млрд. долларов в 1999 г. выросли до 470 млрд. в 2007, достигнув (почетного?) третьего места в мире. В 2008 г.

россияне, видимо, почувствовав уверенность и отвечая призыву властей скупить весь мир, инвестировали за рубежом 114.2 млрд. долларов.

Все приведенные выше сопоставления не означают, что Россия — нечто среднее между бразильским карнавалом и английским пятичасовым чаем, т.е. чем-то лучше Бразилии, но до уровня Соединенного Королевства не дотягивает. Цифры сами по себе молчат, но мы говорим за них: весь XX век за годы советской власти Россия модернизировала экономику и общество, что и создало основу превращения ее в современную державу, в 1990-е гг. и в последнее время проведены были рыночные реформы, и сейчас мы имеем в России индустриально развитую рыночную экономику и капиталистическое общество современного типа, а еще у России большой потенциал развития, достаточные трудовые ресурсы и огромный масштаб рынка.

Но все ли уж так хорошо, и настоящее России, по словам Бенкендорфа, более чем великолепно, а будущее выше всего, что может представить самое пылкое воображение? Захлестнувший и одновременно отрезвивший Россию кризис 2008 г. показал, что все-таки мы недалеко ушли от Нигерии (говорят, только скрытый расизм мешает нам признать этот факт) — за фасадом красивых цифр скрывается все та же экспортно-ориентированная экономика, построенная в 70-е годы XX в., с гигантскими полугосударственными или окологосударственными предприятиями, которые как-то оказались все в долгах (около 120 млрд. долларов), за которые теперь отвечать государству (т.е. всем нам), малый и средний бизнес с численностью сотрудников до 250 человек производит лишь 15% российского ВВП в отличие от 30% в развитых странах (Умаление бизнеса 2009: А01). Эта экономика целиком и полностью зависит от мировых цен на сырьевые ресурсы — нефть, газ, металлы и древесина (хорошо, что уже нет, как в петровские времена, льна и пеньки) составляют 80% экспорта (даже в экспорте Петербурга минеральное сырье — 45%), обеспечивая 30% государственных доходов, эта экономика воспроизводит население с доходом ниже среднего по мировым меркам (18.6 млн. человек — а это 13.2% населения — в России 2008 г. жили за чертой бедности, т.е. имели доход ниже 4.593 руб.) и без всяких денежных накоплений (3/4 россиян, по опросам ВЦИОМ в 2008 г., не имели никаких денежных накоплений), такая экономика предполагает, что существует сверхцентрализованная, громоздкая и неэффективная государственная система с совсем ничтожными региональными и местными бюджетами, неопределенными институциональными правилами и неуклюжими политическими решениями.

Сравним социальные показатели развития стран: индекс развития человеческого потенциала России составляет 0.795, для Бразилии — 0.792, для Великобритании — 0.942. (см.: Human Development Report 2005)*. Оказыва-

* Сравнительные данные по странам мира см.: (Страны и регионы 2005... 2005: 171; WDI online на русском языке: www.un.org/russian/goals; UN Human Development Report www.hdr.undp.org).

ется, прогресс экономики не так однозначно влияет на социальное развитие. И в 2006 г. Бразилия на один пункт обогнала Российскую Федерацию по показателю развития человеческого потенциала: в России низкая продолжительность жизни, примерно на 14 лет меньше среднего европейского уровня, Бразилия (и даже Китай) впереди нас, еще хуже то, что она (ожидаемая продолжительность) снижается в сравнении с 1991 г. Согласно данным Росстата, ожидаемая продолжительность в России на 2006 г. составляла 66,6 лет (60,4 у мужчин и 73,2 у женщин), в Петербурге ситуация чуть лучше — 64 и 75.4 года соответственно в 2007 г., но это не меняет дела. Население России составляет 141 млн. человек и ежегодно снижается (в 1990 г. было 147 млн.), в 2007 г. депопуляция составила 0.484%, падает и численность населения Петербурга. Смертность в России в 1.5 раза превышает рождаемость, особенно велика так называемая алкогольная смертность — 600–700 тыс. чел. в год*. В связи с этим трудовое население России быстро стареет — на 10 работающих уже приходится 6 пенсионеров. Социальное расслоение в России чуть ниже, чем в Бразилии — в среднем коэффициент Джини 0.4 и 0.6 соответственно (но коэффициент Джини в Москве в 2004 г. оказался равным 0,63 (Гуриев, Рачинский 2006), но выше, чем в оплоте капитализма Великобритании — 0.36. Вот и рейтинг привлекательности стран для бизнеса: Forbes «отгондурасил» Россию на почетное 103 место из 127 возможных, в аккурат между Мавританией и Гондурасом — оказывается, у нас не все в порядке с правами граждан и свободой, а мы-то думали (о деле Ходорковского), что это исключительно «Мишины проблемы».

Поэтому России необходимо человеческое отношение власти к гражданину, России все еще нужны реформы и новые, откорректированные кризисом, планы, где главным результатом должно стать развитие человеческого потенциала и человеческих отношений, но также ей нужны и инвестиции, которые помогут преобразить экономику и общество. Важно сформировать доверие инвесторов к России, доверие к ее людям, ее экономике, доверие государственной власти к гражданам и бизнесу. Согласно данным Всемирного банка (World Development Indicators), в России в 2007 г. прямые иностранные инвестиции (FDI) составили около 27 млрд. долларов США — это точно как в Бразилии, и совершенно точно, что неоправданно мало, особенно в сравнении с Китаем, но мало и по сравнению с Великобританией (около 100 млрд. долларов США) (Страны и регионы 2005... 2005: 171; WDI online на русском языке: www.un.org/russian/goals; UN Human Development Report www.hdr.undp.org). Большинство инвестиционных проектов в России связаны либо с Москвой как наиболее экономически развитым регионом России с наибольшим платежеспособным спросом населения, либо с регионами нефте- или газодобычи (например, Сахалин-2 и др.).

* Здесь и далее данные официального портала Федеральной службы государственной статистики РФ (www.gks.ru), Министерства экономического развития РФ (www.economy.gov.ru), Администрации Санкт-Петербурга (www.gov.spb.ru), кроме того, см.: (Санкт-Петербург... 2004; Ленинградская область... 2004; Темкин 2009).

Россия занимает самую большую территорию в мире (но для жилья почему-то используется 0.2% площади страны, в отличие от 20% в Великобритании; получается, что как-то неудобно и тесно — по плотности населения Москва приближается к Гонконгу, Петербург пока отстает), в административном плане современная Российская Федерация — это 88 субъектов, и каждый обладает особой социоэкономической характеристикой. Наша задача — подчеркнуть экономическую привлекательность Петербурга и области, где нет (уже не будет?) нефти и газа, где нет такой концентрации финансов, экономической и политической власти, как в Москве, но где сосредоточены уникальные человеческие и культурные ресурсы, отдача от которых гораздо более значима в долгосрочном периоде в сравнении с природным богатством. Петербург должен быть в ближайшие 20 лет примером такого преобразования, показав, каким может быть будущее России, если она откажется от сырьевого пути развития, выбрав *производство товаров и услуг с добавленной культурной ценностью* как приоритет развития. Если выразить короткой фразой основную мысль статьи, то она должна звучать примерно так: «экономическое будущее Петербурга заключается в его культурном настоящем», или так: «производство индустриальное уступает место производству культурному», или: «Ижорский или Путиловский заводы в экономическом плане будут менее значимы (доходны или эффективны), чем Мариинский театр, Университет и Консерватория». Как правило, мы переоцениваем далекое будущее (вспомните эйфорию освоения космического пространства и прогнозы 1960-х) и недооцениваем ближайшее, а ведь будущее уже содержится в настоящем. Уже сейчас страны, ориентированные на производство услуг, более эффективны (по ВВП на душу населения), чем индустриальные страны. Поэтому, забегая вперед, я утверждаю, что развитие в Петербурге и области индустриального производства — это одновременно большой шаг как вперед, так и назад. Экономическое будущее Петербурга не может быть связано только с индустриальной системой, вектор движения — в культурное, постэкономическое и постиндустриальное пространство глобальной системы. Можете назвать три продукта, сделанные в Петербурге (Made in St.Petersburg), которые всем знакомы и имеют действительно мировую (а не только отечественную) известность? Очень просто — это «Вальс цветов» Чайковского (из балета «Щелкунчик»), «Преступление и наказание» Достоевского, «Черный квадрат» Малевича (в действительности их было четыре, надо отдать должное Москве, где был показан в 1915 г. первый, но с 1923 г. Малевич — петербургский житель). Однако все эти произведения высокого искусства — штучный товар, вопрос в том, что современное массовое (или серийное) производство делает культуру массовой, что не означает ее упрощения или примитивизма (типа группы «Ласковый май» или программы «Дом-2»). Задача заключается в том, чтобы приспособить высокое искусство к промышленности, именно оно способно (за счет свежих идей, дизайна, художественного оформления) придать высокую добавленную стоимость товару. Наука и искусство также могут и должны быть приспособлены для производства человеческих качеств,

тогда увеличится и стоимость человеческого капитала. Вот что надо знать, если планировать развитие экономики Петербурга на десятилетия вперед.

Сказанное выше не означает, что необходимо специально тормозить развитие индустриального производства в Петербурге. Думая о далеком и главном, нельзя упускать и ближайшие выгоды. Инвестиционные проекты не реализуются в пустом пространстве, социальная и политическая среда региона так же важна, как и факторы экономической или институциональной эффективности — ведь бизнес существует в социальной среде конкретного общества, наполненного реальными людьми с их характерами, трудовой этикой, привычками и предрассудками, в этом обществе действуют реальные политики с их предвыборными программами и обещаниями, здесь складываются своеобразная политическая ситуация, причудливые традиции бюрократии и особенные налоговые практики. Именно от этого зависят транзакционные издержки открытия, организации и ведения бизнеса, успех или фиаско инвестиционных проектов, которые определяются не только правильным прогнозированием ситуации, экономическим расчетом и виртуозностью исполнения, но видением и знанием конкретного социально-экономического пространства инвестиций.

Петербург как такое социальное пространство для отечественного и зарубежного инвестора представляет собой актив, экономический потенциал которого недооценен. На деле входные барьеры для осуществления новых инвестиционных проектов в реальности не так велики, какими кажутся, а успешных примеров организации нового бизнеса гораздо больше, чем неудачных. Сегодня мы также можем утверждать, что сложилась устойчивая положительная динамика инвестиций в регионе, только кризис, возможно, ее откорректирует. Объем иностранных инвестиций составлял в 2004 г. 985.1 млн. долларов США, а в 2007г. — 6.288 млрд., за 2008 г. — 5.927 млрд. (все-таки сказывается влияние кризиса), но доля прямых инвестиций увеличилась на 70% по сравнению с прошлым годом, более 70% средств инвестировано в отрасли промышленного производства, в области только за 2008 г. поступило 961 млн. долларов иностранных инвестиций, в Петербурге за первый квартал 2009 г. — 651 млн. (www.gks.ru; www.economy.gov.ru; www.gov.spb.ru; Санкт-Петербург... 2004; Ленинградская область... 2004; Темкин 2009). Действует эффект «цепной реакции», когда один удачный пример инвестиций в конкретной отрасли производства, будь то производство сигарет или автомобилей, подталкивает и других инвесторов в других отраслях к более решительным действиям.

Для инвестора кроме экономического расчета для принятия решения важны такие факторы, как доверие, поддержка, психологический комфорт. В этом плане Петербург (в отличие от Чикаго или Шанхая, например) как инвестиционный брэнд еще только формируется, многие же бизнесмены воспринимают его только как культурный брэнд. В рейтинге брэндов городов мира Петербург оказался на 40 месте из 60 возможных, обогнав Москву, но в рейтинг индекса глобальных городов мира, где оценивается прежде всего деловая активность, составленный журналом *Foreign Policy* (*The 2008*

Global Cities Index), Петербург вообще не входит, в то время как Москва занимает почетное 19 место (<http://gtmarket.ru/ratings/global-cities-index>). Но постепенно ситуация меняется, поскольку действует эффект сетевых связей — один успешный предприниматель своим примером привлекает еще десять. Так распространяется сетевая информация, которую ценят больше всего, и так строится сетевое доверие инвестора городу, основанное на личном опыте и личных связях. Но доверие не может формироваться только подобным образом, необходима продуманная инвестиционная политика (не в смысле — как бы заманить инвестора, а как показать ему его выгоду, каким образом обеспечить ему лучшие условия для работы) местных властей и создание особого «инвестиционного климата». В целом, привлечение инвестиций рассматривается городским и областным правительством как первоочередная задача, складывается благоприятный инвестиционный климат, поддержка инвестора и даже конкуренция между властями за инвестора в расчете на будущего налогоплательщика, но иногда не хватает как последовательности в разработке и продвижении общих для всех институциональных правил, так и усилий в работе с каждым инвестором в отдельности. Для инвестора важна определенность и неизменность правил игры, это касается налоговой практики, прав собственности, судебных споров, таможенных процедур, но как раз этого в Петербурге, как и во всей России, не хватает. Правила почему-то постоянно пересматриваются (как говорят англичане, «не надо чинить машину, которая работает»), создавая тем самым ситуацию риска и нестабильности; инвестор не знает, каким обещаниям можно верить, но справедливости ради надо сказать, что в этом более всего виноваты федеральные власти и их органы.

Когда мы говорим о Петербурге как о социально-экономическом пространстве, мы имеем в виду город Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Формально это два разных субъекта Российской Федерации, с разными губернаторами, бюджетами и разным представительством в органах федеральной власти (что, кстати, выгодно для инвестора — если не представляется возможным договориться с одним губернатором, то можно попробовать договориться с другим, конкретный пример — компания ИКЕА, построившая свои центры в области, не достигнув соглашения с городским правительством). Но с точки зрения обывателей, Санкт-Петербург и область представляют единое социальное и экономическое пространство с общими характеристиками — это активно развивающиеся регионы (регион — древнеримский термин) примерно с одинаковыми показателями валового регионального продукта на душу населения (ежегодные темпы роста валового регионального продукта в среднем с 1999 по 2003 гг. составили 9.4% в сравнении с 5.6% среднего ежегодного роста валового внутреннего продукта РФ, в первом полугодии 2008 г. темпы роста ВРП составили 10.4% — по данным А. Сергеева, экс-председателя Комитета по экономическому развитию, промышленной политике и торговле Правительства Санкт-Петербурга), с общим положением (примерно одинаковый уровень жизни населения, кроме

того, это регионы-доноры для бюджета Российской Федерации) и общими проблемами, главные из которых не отличаются от общероссийских. Это относительная бедность населения (особенно в сравнении с соседями: показатель валового регионального продукта на душу населения, по данным администрации Петербурга (www.gks.ru; www.economy.gov.ru; www.gov.spb.ru; Санкт-Петербург... 2004; Ленинградская область... 2004; Темкин 2009), составил в 2005 г. всего 4 000 евро в сравнении с 27 000 в Хельсинки, в начале 2008 г. этот показатель составил 240 тыс. рублей или 6 600 евро, между тем, некоторые регионы Российской Федерации, такие как Тюменская область, по данному показателю превышают аналогичные показатели Норвегии или США, а другие, например, Ингушетия, находятся на уровне Уганды), низкая рождаемость (рождаемость составляет 10.4 на 1000 населения в Петербурге в 2008 г., 8.4 в Ленинградской области: www.gks.ru; www.economy.gov.ru; www.gov.spb.ru; Санкт-Петербург... 2004; Ленинградская область... 2004; Темкин 2009), малая продолжительность жизни и алкоголизм, причем последняя проблема явно определяет предпоследнюю.

Экономия и география

В 2003 г. Петербург отпраздновал 300-летие (которое неунывающие жители города сразу окрестили Зоолетием). Его основание было связано с политической и экономической географией — для успешного развития России необходим был выход к Балтийскому морю для прямой торговли с экономическими гигантами того времени Голландией и Англией. Экономически необходимо было также создание торгового и военного флота, и Петербург стал для него базой (сегодня Петербург так и остается крупнейшим морским портом России и центром судостроения). Для этого пришлось покорить Швецию лет двадцать, которой в 17 в. принадлежали эти земли (а еще раньше они относились к Новгородской республике, см., например, историю села Спасское, находившегося на месте сегодняшнего Смольного собора и факультета социологии СПбГУ). Но другого выхода — выхода к морю, в том числе — у России не было. Кстати, шведы практически забыли (согласно моему социологическому опросу одного шведа, но зато какого — социолога Горана Терборна), что именно им принадлежали петербургские земли, у них, видимо, не было никаких корней здесь, для заселения этих территорий шведы насильно сгоняли сюда финнов, а сами оставались в стороне. Поэтому шведское господство не оставило никаких следов, шведский город-крепость Ниеншанц, находившийся на территории Петербурга, был полностью разрушен, и мои предложения о воссоединении Петербурга и Стокгольма шведами не поддерживаются. Не активны, как это ни странно, и финны в возвращении территорий Карельского перешейка, который вплотную примыкает к Петербургу, ведь уже уходит то поколение, которое выросло здесь и считало эти земли своими, а для нового поколения в них нет ничего родного. Хотя от финнов, в противоположность шведам, остались добротные дома (детали конструкции позволяют их отличить от русских), которые все еще используют русские жители (переселенцы?), сельские дороги, выложенные камнем

(активно разбираемые для строительства новыми варварами-русскими), и заброшенные поля (вот и различие — для финнов это был юг, а для русских — север, какое же сельское хозяйство на севере?).

Кроме того, возведение Петербурга было связано с тенденцией приобщения России к европейскому миру, а центр этого мира был тогда все еще голландским, а не британским, поэтому основатель города Петр I, который так восхищался Голландией (он инкогнито путешествовал с посольством по Голландии, учился строить корабли и умел немного говорить по-голландски), за модель взял столицу мира Амсте(ле)рдам — Петербург строился преимущественно итальянскими архитекторами (Трезини, Кваренги, Растрелли) как морской европейский город с каналами и реками, как прямая противоположность Москве, символизирующей старые византийские порядки и традиционную Россию. Даже линии Васильевского острова предполагалось сделать каналами, как в Амстердаме и Венеции. Именно с основанием Петербурга, как мне кажется, начинается переход всей России к Новому времени, открывающий путь для дальнейшей социальной и политической модернизации всей страны.

С 1712 г. по 1918 г. Петербург официально считался (и реально был) столицей Российской империи. Все ее экономические и человеческие силы были брошены на создание этого великолепного, но все же искусственного, столичного города. Действительно, другого такого города в России не могло быть — на другой город просто не хватило бы денег в империи. Петербург кажется искусственным, потому что в нем не было и нет никаких пересечений торговых путей, он начинается и кончается внезапно, он не создавался как логическое продолжение каких-либо поселений. Петербург создавался по приказу начальства, по плану архитекторов, и в этой бюрократически-рациональной конструкции его особое очарование.

Петербург не строился территориально как удобное (или хотя бы пригодное) место для жизни, наоборот — жизнь людей здесь должна была быть приспособлена к месту и времени, к потребностям и задачам империи. А место вряд ли могло быть хуже — по общему мнению, в Европе климат более враждебен человеку только где-нибудь в Норвегии, и даже в столице соседней северной Финляндии климат явно лучше и теплее (потому что Гольфстрим проходит ближе, а около Петербурга залив зимой замерзает). Дело в том, что Петербург расположен на 60 параллели, которая, между прочим, проходит через южную часть Гренландии и Аляски, где же там найти город с почти 5 миллионным населением? Поэтому Петербург самый крупный — вследствие своей былой столичности — северный город Европы. Город с переменчивым морским климатом, большой влажностью и сильными ветрами («ветер, по петербургскому обычаю, дул на него со всех четырех сторон» — так характеризовал погоду Петербурга Гоголь в «Шинели»), зимой здесь температура часто опускается до -10°C (поэтому почти все автомобили обуваются в зимние колеса с шипами), но может моментально подняться до $+1$ — причина этому Балтика с ее частыми циклонами. А в старой финской деревне (старше Петербурга лет на 200–300) в 20 км от Петербурга,

где я живу, температура падает до -30°C , но в общем жизнь не останавливается и при таких холодах, ведь скоро будет -5° и всем станет очень тепло (потом выяснилось, что я ошибался — всем стало очень тепло уже при -10°)

Петербург явно самый мрачный (в прямом смысле слова) город России — за год здесь всего лишь около 30 ясных солнечных дней, а зимой темнеть начинает уже в 16 часов. Самый петербургский житель Петербурга Ф.М. Достоевский характеризовал его погоду (точнее, непогоду) так: «утро гнилое, сырое и туманное». Хотя есть «петербургской темноте» и небольшая компенсация — летом в июне и июле ночью на севере не темнеет, поэтому Петербург называют «городом белых ночей». В Петербурге почти никогда не бывает тепло, средняя температура июля $+17.2$.

География определяет и политический характер города — Петербург город с явно нордическим (сдержанность его главная черта) суровым мужским характером, в отличие от не менее тяжелого, но все-таки женского, характера Москвы, с некоторой отстраненностью от людей и всего человеческого, строго рациональный, без всяких сантиментов, явно красивый, причем его эстетика отражает высокий профессиональный вкус (а не стремление добрых людей-обывателей сделать все красиво), поэтому-то в петербургской архитектуре нет (важно — не добавлено) ничего лишнего. В Петербурге совсем нет вычурности и пышности — ни Рингштрассе-архитектуры Вены, ни Елисейских полей Парижа, ни Гран Виа Мадрида — красота Петербурга молчалива, благородна и потерта (временем?), но искусственна, ведь город как будто бы существует сам по себе, а не для людей. В этом он схож с Венецией, где люди, а не город, являются декорацией. Но как ни странно, Петербург, в отличие от Венеции и Амстердама, не стал по-настоящему морским городом, он как бы не пропитан соленой водой изнутри — в сознании его жителей (матросы не в счет) море где-то далеко. Так у жителей России нет представления о Тихом или Северном Ледовитом океане, ведь они далеко и бесполезны. Поэтому в городе нет большого количества яхт и лодок («морские волки» в дефиците, сказывается короткий сезон навигации?), почти нет свежей рыбы и не очень популярна морская кухня, цены на квартиры с видом на море не так сильно отличаются от обычных цен — многие считают, что «на заливе» (т.е. на побережье Финского залива) слишком холодно и ветрено, кроме того, зимой залив замерзает, превращаясь в унылую снежную пустыню, даже кафе и рестораны не облюбовали морское побережье, а если и имеют вид на море, то им не пользуются (что крайне поразило моих португальских друзей). Кроме того, город каждое десятилетие сражается с морем, наступает на море, отвоевываемая часть территории для себя — это так называемые «намывные территории», частенько здания, построенные на них, осаживаются все глубже и глубже. Действительно, морской, портовый город не стал морским в сознании его жителей.

Если сравнивать Петербург с городами Европы, то Петербург чем-то похож и на Венецию, и на Амстердам, и на Барселону, и более всего на Рим, но

различия все же гораздо больше, чем сходства. А если сравнивать с Дальним Востоком, городами Японии, например, то Петербург более всего напоминает Осаку. Конечно, в Петербурге нет и десятой доли футуристической пост-индустриальной архитектуры Осаки. Но Петербург и Осака — морские города, Осака называлась «городом 808 мостов» (808 означает у японцев «очень много»), а в Петербурге, вполне возможно, действительно наберется такое количество мостов. Осака всегда славилась производством спиртных напитков (сакэ), и в Петербурге производят больше всего пива в России. Но эти города роднит другое — стремление их жителей противопоставить свои города столицам в экономическом, политическом и культурном плане. Как говорил в 1984 году Сергей Довлатов: «Ленинград обладает мучительным комплексом духовного центра, несколько ущемленного в своих административных правах. Сочетание неполноценности и превосходства делает его весьма язвительным господином... Такие города есть в любой приличной стране. (В Италии — Милан. Во Франции — Лион. В Соединенных Штатах — Бостон)» (Довлатов 2004). Обратите внимание на скрытый (петербургский?) изыск текста — у Довлатова все слова в предложении начинаются на разные буквы.

Для петербуржцев многое странно в Москве («южной столице России», как они говорят): не только масштабность — ширина проспектов и улиц, высота зданий и количество людей и автомобилей (этим меня очаровала Москва в 1970-е годы), не только показная роскошь столичной советской бюрократии или сейчас новых богатых, не только количество бюрократии, переходящее в качество и отражающееся в синем проблесковом сиянии на дорогах, но даже в топонимике Москвы и Московской области петербуржцев несколько коробит соединение нескольких слов в одно имя — например, «Новоясеневский проспект», или город «Долгопрудный» Московской области, или «Ново-Переделкино» и т.д. (что мне лично напоминает такие забавные названия, как сорт яблок «осеннеполосатые»). В Петербурге официально будет написано Новое Девяткино, например, но, как правило, в названиях деревень вокруг Петербурга преобладают все же старые финские корни — «Парголо-во», «Токсо-во», «Хиттоло-во», что для петербургского уха (если оно еще что-либо слышит) не понятно, но привычно, а в Москве из финно-угорских названий только сама «Моск-ва» — сказывается, видимо, что там «греков» осело больше, чем «варягов». В Петербурге другое, к примеру, когда я в счастливом детстве ехал на дачу, меня приятно удивляла мягкая финская речь кондуктора, кстати, с отличной кожаной сумкой для денег, в разговоре с пожилыми тетками, они не выглядели иностранками, а я не напоминал молодого оккупанта — это было такое «культурное общежитие» русского и финского языков, без противопоставления и конфликта наций, такое повседневное умение удивляться другому. Но мои сверстники, финны-ингерманландцы, говорить на (родном?) языке уже не умели и не хотели, хотя понять что-то еще могли, и поэтому до сих пор кое-где в старых протестантских церквях, финансируемых церковными общинами Финляндии, служба идет по-фински, но в целом местные финны, забывая свое этническое прош-

лое и продавая родовые участки, тихо спиваются, культурно воссоединившись в этом с русским народом.

Итак, география останется с Петербургом при любых условиях, море и западный ветер определяют характер Петербурга, ему нельзя не глядеть в ту сторону (откуда дует ветер), значит, надобно использовать эти обстоятельства рождения и местоположения как преимущество.

Люди и общество

Но люди, и ведь много людей, как ни странно, живут в Петербурге, вполне счастливы (уровень самоубийств за последние 10 лет в Петербурге ниже, чем в среднем по России, а ведь по логике должно быть наоборот) и не только не стремятся бросить Петербург с его невыносимым характером, а любят его, гордятся и иногда хвастаются им. Эти люди Петербурга (около 60% жителей родились в Петербурге, еще около 15% прожили в городе более 25 лет) как-то отличаются от жителей России — они живут в особом социальном пространстве, наполненном культурными смыслами, в своей повседневности не замечая их или просто не умея их расшифровать. Например, они (например, я) каждый день в этом символическом пространстве культуры едут на работу мимо Эрмитажа с его бесценными художественными коллекциями и по ходу отмечают, что давно (а кто-то и вовсе?) там не были. Может, нет уже (или почти не осталось) особой петербургской интеллигентности, перенесенной осколками дореволюционного Петербурга в советское время — ну кому еще в России придет в голову называть детей на «Вы»? Ведь даже слово «дети» заменено в других городах словом «ребята» — на что сетовал еще детский писатель К.И. Чуковский — слово, которое вписывается только в крестьянский лексикон, типа: «мужики — бабы — ребята». Но осталась еще какая-то внешняя вежливость, некая петербургская (былая?) ментальность, в которой места эстетике и искусству больше, чем практичности и хозяйственной расчетливости, которая соединяется с внешней отстраненностью, умением держать дистанцию по отношению к другим и к себе. «Благородство здесь так же обычно, как нездоровый цвет лица, долги и вечная самоирония» (Довлатов 2004).

Короче говоря, это люди, в которых больше городского сознания и ценностной рациональности, чем крестьянского сознания как естественного мировоззрения и практического смысла. Эти «люди Петербурга», сами выступая только декорацией к городу, умеют *смотреть на себя и вещи со стороны*, быть не включенными (и поэтому ироничными) наблюдателями своей собственной жизни в этой общей ситуации публичного невнимания. Но их лица несут печать какой-то постоянной озабоченности повседневными проблемами, общей неустроенности (может, квартирный вопрос? Власти? Транспорт?), поэтому кажется, что они не умеют беспричинно радоваться, а дети в городе иногда выглядят маленькими взрослыми. Петербуржцы ценят свой город, если вы услышите фразу о Петербурге: «В этом городе ... и т.д.», то говорит явно не петербуржец, для него не существует «этот» или «другой» город, в его сознании город только один — и только Петербург.

(Например, вот типичная фраза типичного горожанина, который поехал по России (им выступил в моем опросе Б.С. Сапожников): «В России, кроме Петербурга, ни черта нет...»)

С точки зрения демографической Санкт-Петербург и область представляют регион с населением 6.4 млн. человек. Много это или мало? Значительно меньше, чем Москва и область (17 млн. человек), но все же это 4.6% населения РФ (которые с гордостью создают аж 5% валового внутреннего продукта РФ) и второй по численности населения экономический центр в России. Кроме того, это больше всего населения Финляндии (5 млн.) или Норвегии (5 млн.) И мы считаем, что, в общем, людей достаточно, и люди эти — основное богатство и капитал города. Ведь что город без людей? Сам город без людей пустое пространство, он не представляет никакого капитала, именно «люди Петербурга» — его архитекторы, художники, поэты, музыканты, купцы и предприниматели, рабочие — создали город как культурное, политическое и экономическое явление, и сейчас именно они заставляют город жить и работать, но все же он пока плохо работает на них. Но часто кажется и другое — город и его жители не соответствуют друг другу, как будто настоящие жители исчезли, а приехали (понаехали?) какие-то другие, и тогда город напоминает картину, написанную Аласдейром Макинтайром, где мы, варвары, живем в утонченной культуре утраченного прошлого, пользуясь ею, но не понимая ее. Так действительно происходило в 30-е годы XX века в период советского культурного «уплотнения», но даже и раньше — в начале века, когда бывшие крестьяне — новые горожане существенно изменили социальный облик города. Б.Н. Миронов назвал этот процесс «рурализацией» городского населения.

Среди европейских городов Санкт-Петербург почти всегда по численности населения находился на четвертом месте (после Парижа, Лондона и Москвы). Однажды население Петербурга уже превысило пятимиллионную отметку, но сегодня несколько меньше 4.568 млн. человек — сказывается общая для России тенденция сокращения численности населения, почти вдвое превышающая рождаемость смертность (что также является общероссийской проблемой), замедление притока мигрантов. Хотя в истории Петербурга XX века были и более значительные колебания населения — в 1916 г. в городе жили 2.4 млн. человек, после Гражданской войны население сократилось более чем вдвое — до 700 тыс. человек в 1920 г., к 1941 г. в городе жили 3.4 млн. человек, а уже в 1943 г. во время блокады города немецкими войсками осталось 600 тыс. человек. Так что город имеет способность восстанавливаться, но что для этого необходимо?

На 100 браков в Петербурге приходится примерно 60 разводов, в семье в среднем по одному ребенку (точнее 1.18), примерно четверть детей рождены вне официально зарегистрированного брака, около трети семей с детьми можно признать малообеспеченными (поскольку они получают пособия). Очевидно, что ситуация с браком (хорошее дело ведь браком не назовут?) и семьей в Петербурге не в лучшей форме, что соответствует общероссийской проблеме депопуляции и деградации традиционной семьи.

Трудоспособное население Петербурга и области сегодня составляет около 3.5 млн. человек и доля экономически активного населения в трудоспособном возрасте достаточно велика — 70%, при этом наблюдается явная тенденция старения населения, что характерно и для других европейских городов и несколько сокращает трудовые ресурсы. Безработица (пока кризис не вступил в свои права) не превышала 1.5–2%, хотя скрытая безработица в реальности гораздо выше — люди старшего возраста экономически инертны, они и не могут (уже после 40 лет человеку все труднее находить работу), и не хотят искать новую работу, предпочитая работать на старом месте и получать небольшую заработную плату. Большинство населения (до 60%) занято в отраслях сферы услуг, в структуре регионального валового продукта доля сферы услуг составила 59%. За последние десять лет рыночных реформ резко увеличилась занятость в сфере торговли и общественного питания (с 8 до 20%), что вполне естественно, поскольку везде в Петербурге строятся новые торговые комплексы (по торговой площади на петербургскую душу населения мы уже обогнали Москву, где все еще популярны т.н. «палатки» — открытые рынки), открываются кафе и рестораны. В промышленности, строительстве и на транспорте занято 40% трудоспособного населения, что существенно меньше, чем десять лет назад (только в промышленных отраслях тогда было занято 33% трудоспособного населения). Но очень важно, что доля занятых в науке и образовании, организациях культуры сохраняется достаточно большой (16%) — это и есть тот «человеческий капитал», который позволит городу преобразиться, если он того пожелает.

Весьма значителен научный и образовательный потенциал Петербурга (вспомните, что таблица химических элементов создана в Петербурге «чемоданных дел мастером» Д.И. Менделеевым), уровень общей грамотности взрослого населения в целом высок в России (99.4% в отличие от 88.4% в Бразилии), но в Петербурге он еще выше, в городе, можно сказать, избыток университетов, академий и научно-исследовательских институтов — 53 государственных и 47 негосударственных университетов, профиль которых крайне разнообразен — от классического Санкт-Петербургского государственного университета (20000 студентов — средний по американским масштабам университет) до Морского (Кораблестроительного) и Политехнического университетов, Академии киноинженеров или Балетного училища. В высших учебных заведениях учится около 0.5 млн. студентов, ежегодно защищается 2500 диссертаций. Поэтому найти работу по специальности как раз не могут чаще всего люди с высшим образованием. В области доля городского населения составляет 66%, и есть такие города (например, Сосновый Бор), где половина взрослых имеет высшее образование. Как правило, жители Петербурга и области заполняют все вакансии высококвалифицированного труда, а рабочие места, не требующие высокой квалификации или связанные с тяжелой работой, вредными условиями труда, достаются нелегальным трудовым мигрантам — рабочим из Украины, Казахстана, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана, численность которых по разным оценкам достигает от 30 до 400 тыс. человек в год. Общее миграционное сальдо Пе-

тербурга положительное — с 1994 г. из стран бывшего Советского Союза прибыло больше всего мигрантов, но уезжают петербуржцы, как правило, в другие страны.

Все же избытка трудовых ресурсов в регионе нет, положительное миграционное сальдо не покрывает естественного сокращения населения. Вот один пример, который показывает экономию трудовых ресурсов на деле: в любом небольшом кафе в Петербурге будет занято, как правило, в 2–3 раза меньше работников, чем в таком же кафе в Токио. Но если теперь сравнить производительность труда в целом, то в среднем в Японии за счет индустриального сектора она в десятки раз выше — сказывается наше российское неумение организовать работу и наша техническая отсталость. Средняя стоимость труда сильно отличается от средней стоимости труда в Западной Европе и США, средняя месячная номинальная заработная плата в городе не превышает 23 000 рублей, средняя заработная месячная оплата труда квалифицированного рабочего (на успешном автомобильном заводе или предприятии энергомашиностроения) составляет от 600 до 1000 долларов, а работник высшей квалификации не получает больше 1300 долларов, менеджер среднего звена получает от 800 до 4000 долларов. Такая заработная плата связана с общими экономическими условиями в России, но также и со стоимостью жизни в Петербурге — например, средняя оплата коммунальных услуг составляет от 30 до 150 долларов, а снять небольшую квартиру не в центре города стоит около 300–400 долларов в месяц. Цена продуктов питания средняя европейская, проезд в общественном транспорте стоит 0.5 доллара, так что общая стоимость жизни в Петербурге гораздо ниже, чем в Токио, Москве, Лондоне и Нью-Йорке.

Поэтому вряд ли инвестор столкнется с проблемой привлечения необходимых трудовых ресурсов, причем как рабочих, так инженеров или менеджеров. Наоборот, в Петербурге и области целесообразно и выгодно развитие наукоемкого и трудоемкого производства, требующего кадров высокой квалификации, которые востребованы сегодня недостаточно — пока многие талантливые ученые, программисты и инженеры вынуждены искать трудоустройство в других странах (например, в соседней Финляндии в корпорации NOKIA).

При этом отношение к труду и трудовая этика петербуржцев весьма специфичны — люди хоть и имеют достаточную трудовую мотивацию, т.е. стремятся зарабатывать больше, но вряд ли согласятся работать самоотверженно и много (в сравнении с Кореей или Японией, но даже и с Северной Европой). Например, 8 часовой рабочий день и 2 выходных в неделю являются как юридической нормой, так и общим принятым стандартом работы, и обычно люди рассчитывают на годовой отпуск в размере одного месяца вне зависимости от результатов их труда. Маловероятно, что петербуржец согласится работать намного больше, или, к примеру, изменить место жительства в связи с работой, даже если ему будет предложена более высокая заработная плата. В целом петербуржцы сегодня меньше экономически ори-

ентированы, чем жители Москвы, они более мечтательны — ждут, что наступят некие чудесные изменения в их жизни, которые позволят решить все проблемы разом, а больше работать, чтобы больше получить — вот это не для них. Петербуржцы, как и все россияне, еще любят прибедняться и жаловаться, но не очень хотят сами что-то изменить в своей судьбе. Получить высшее образование и не воспользоваться им; или зарабатывать мало, но иметь много свободного времени для творчества — вот некоторые показательные примеры отношения петербуржцев к своей жизни и труду. Денежная мотивация для них основная мотивация к труду, но трудолюбие или трудовой аскетизм вряд ли можно назвать их отличительной чертой.

Как правило, на крупных предприятиях рабочие организованы в профсоюзы — это традиция советского времени, довольно большое значение имеет Федерация профсоюзов Петербурга. Конечно, нельзя и сравнить роль профсоюзов в Петербурге с такими странами, как США или Великобритания, практика коллективных договоров все еще мало распространена, но профсоюзное движение, так же, как левые политические партии, имеют большое влияние на трудящихся. Огорчает то, что рабочие враждебно и агрессивно относятся к менеджерам или собственникам предприятия, но в этом виноваты обе стороны: там, где работники чувствуют заботу со стороны руководства предприятия, наблюдается низкая текучесть кадров и конфликтов удается избежать (положительный пример — табачная фабрика JTI в Петербурге, отрицательный — автомобильный завод FORD, который все время находится под угрозой общей забастовки). Вообще, агрессия — наиболее отрицательная современная черта в поведении россиян (обратите, например, внимание на поведение водителей на дороге), Петербургу она свойственна меньше, чем Москве — видимо, меньше транспорта, денег, власти, больше времени, нервов, ротозеев — но все же явно присутствует.

Итак, человеческий и социальный капитал Петербурга представляется нам *основным капиталом* города, люди в необходимом количестве есть, и их качества достаточны для того, чтобы превратить город в экономико-культурный центр России. Но проблема в институтах — привычках мышления, как называл их Веблен, эти институции и институты устроены так, что «транзакционные» издержки социальных (а не только экономических) обменов слишком велики, но в этом Петербург не отличается в лучшую или худшую сторону от всей России.

Культурный и символический капитал города

Петербург теперь уже иногда с иронией называют «культурной столицей» России, ирония оправдана, но только отчасти: огромное множество и разнообразие организаций культуры Петербурга просто поражает воображение — кроме университетов и научных учреждений (которых больше 400) здесь расположены крупнейшие музеи мирового масштаба (Эрмитаж и Русский музей только два самых известных), знаменитые театры (наверное, их даже в избытке, загляните в любую афишу — два театра оперы и балета: Мариин-

ский и Михайловский, репертуар их иногда совпадает, вы можете посмотреть в один месяц один и тот же балет в разных постановках, да еще есть и театр оперетты — в каком еще европейском городе возможно такое?, драматические театры), Консерватория (можно назвать только двух ее выпускников — Чайковский и Шостакович) и Филармонии (можно выбрать классическую или джазовую), Академия художеств.

Центр Петербурга — более 8 тысяч зданий постройки XIX века, лучшие архитектурные образцы барокко, классицизма и модерна, находящиеся под охраной ЮНЕСКО. Петербург создавался по особому архитектурному плану (цена которого была баснословно велика, но денег империи на столицы обычно не считают), за модель сначала взяли средний европейский город — Амстердам, но этим не успокоились — увеличили эту модель в 10 раз, так получился архитектурный ансамбль Петербурга, который во много раз больше исторического центра европейских городов и в котором все главные фасады зданий обращены лицом к Неве и другим рекам.

Кроме того, Петербург был основан в классическую эпоху, в нем нет хаотичных остатков средневекового города (шведский город Ниеншанц, между прочим, был вторым после Выборга по величине городом Финляндии, тогда еще шведской провинции, но он был основательно разрушен), поэтому Петербург несет в себе чистый образ архитектурной рациональности и соразмерности. Это город-символ, отражающий европейский мир в зеркале России.

Исходя из этого можно было бы предположить, что Петербург как самый интересный в культурном и архитектурном плане город России, занимающий 8 место среди самых привлекательных городов мира по рейтингу ЮНЕСКО, станет центром мирового туризма и инвестиций, связанных с индустрией культуры и туризма. Тем не менее, этого, как ни странно, не происходит. Поток туристов не превышает 3 млн. человек в год, что существенно меньше в сравнении с другими городами Европы. Причины этому разные — отсутствие правильного туристического имиджа города, недостаточная развитость туристической инфраструктуры (прежде всего, не хватает гостиниц всех классов), а вследствие этого — в среднем более высокая цена пакета туристических услуг. Сейчас в городе дефицит гостиничных мест (даже несмотря на то, что ведущие мировые гостиничные операторы — Radisson, Kempinski и другие работают в Петербурге), всего в городе 139 гостиниц и 17 000 номеров, т.е. на 1 тысячу жителей 2.6 гостиничных места (в сравнении с 35 в Амстердаме, 26 в Вене), цена номера в гостинице 3★ примерно составляет 180 долларов США, что на 20% выше среднеевропейской цены. Поэтому строительство отелей, как крупных, так и мелких (типа V&V) — весьма перспективный бизнес. Пока Петербург еще не стал транзитным пунктом перемещения авиапассажиров из Европы в Азию, что могло бы увеличить поток туристов. Нет удобных рейсов ведущих международных авиакомпаний и дешевых билетов компаний-дискаунтеров, хотя аэропорт Пулково, реконструирующийся сегодня, готов принять любые самолеты. Морской и круизный туризм сдерживают неле-

тые проблемы оформления российских виз и загадочный (в смысле полной враждебности по отношению ко всем — и своим, и чужим) пограничный контроль.

В самое последнее время делаются определенные шаги, чтобы преодолеть такое положение. По заказу администрации города «The Boston Consulting Group» разработала туристическую стратегию развития Петербурга и рекламу (помните: «No bears, just beauties» — которая звучит довольно или (применяя наисовременнейшее слово-паразит) достаточно глупо. Упор сделан на «эффективную маркетинговую политику» продвижения туристических услуг, развитие брэнда «Санкт-Петербург», но пока что рекламный бюджет города неоправданно мал — в 10 раз меньше, чем у других туристических городов Европы. Сейчас строится новый морской пассажирский терминал, что в лучшую сторону повлияет на развитие морского туризма. Интересная идея заключается в развитии комплексного туризма — в Петербурге и на Северо-Западе, где расположены старинные русские города-столицы (Старая Ладога, Новгород, Псков). Петербург вместе с историческими северо-западными городами должен быть представлен в едином туристическом пакете услуг, что увеличит среднюю продолжительность пребывания туриста в Петербурге. Также Петербург, чтобы преодолеть сезонность обычного туризма, нуждается в развитии познавательного, экологического и особенно научного туризма (проведение конгрессов и конференций).

Кроме того, Петербург мог бы быть крупным международным образовательным и обучающим центром, все возможности для этого имеются — ведущие университеты и школы, квалифицированные преподаватели, специально разработанные программы, но доля иностранных студентов в Петербурге в целом неоправданно мала: опять сказывается неразвитость как политики университетов в отношении иностранных студентов, так и инфраструктуры — отсутствие гостиниц и общежитий для студентов, плохое информационное обеспечение, отсутствие возможности выбора языка обучения.

Исходя из сказанного выше, Петербург как центр культуры и туризма нуждается в масштабных инвестициях в развитие инфраструктуры — это гостиницы и транспорт, аэропорты и вокзалы, новые туристические и образовательные программы и центры. По прогнозам, к 2010 г. количество туристов достигнет 5 млн. человек в год, из них 60% составят иностранные туристы, все это ставит масштабные задачи как перед администрацией Петербурга, так и перед российским и международным бизнесом. Но туризм все же не должен быть главным в жизни Петербурга. Культура (музыка, музеи, театры, кино, литература) в современном мире становится ведущей отраслью экономики, возникает новый феномен, который удачно называется «cultural economy». Именно с отраслями культуры, образования и науки, а не с отраслями промышленного производства мы связываем будущее экономики Петербурга в долгосрочной перспективе. И туризм придет тогда, когда в городе будет налажено производство культурных цен-

ностей и событий, так произошло с Парижем и Лондоном, так может случиться и с Петербургом.

Давайте возьмем производство музыки (на мой взгляд, музыка Петербурга «опережает» его архитектуру, и живопись, и литературу Петербурга). «Во всем Петербурге царит изумительно глубокая и чудесная музыкальность», — так характеризовал его художник Александр Бенуа (цит. по: Волков 2008: 73). Петербург и его композиторы в глазах (в ушах?) ценителей музыки давно стали мировыми брэндами. Например, Чайковского, одного из самых популярных в мире классических композиторов (без его «Вальса цветов» из балета «Щелкунчик» не обходится ни одно празднование Рождества в США) нельзя отделить от Петербурга и его культуры. Считаете Чайковского «попсой» в музыке, типа Элтона Джона сегодня? Хотите маскулинистических героев рока в классике XIX века? Тогда вот вам Мусоргский — тоже петербургский композитор, но уже явственно другой персонаж — из какого-нибудь романа Достоевского, и музыка соответствующая — авангард авангарда, не случайно британская прогрессивная рок-группа «Emerson, Lake & Palmer» активно использовала в 1970-е его «Картинки с выставки». Характерна его жизнь — без семьи и в общине. По-рокерски трагична и смерть композитора — страдавшего от алкоголизма Мусоргского поместили в госпиталь (вспоминаете портрет Мусоргского, сделанный Репиным за 10 дней до смерти?) под строгий присмотр докторов, но тот подкупил сторожа и все же достал бутылку коньяку, которую и выпил сразу же под яблоко, что вызвало смертельный удар. Куда там Джимми Хендриксу (кстати, работавшему с «ELP», они даже хотели переименоваться в «HELP»)?

Но Петербург в музыкальной культуре сформировал в XIX в. и особенные направления, свойственные всей культуре модерна — ориентализм, например. Вспомните оперу Бородина «Князь Игорь», внеевропейские мотивы хорошо представлены там в традиционной оркестровке. Наверное, Бородину, наполовину грузину, они были близки и, как замечает Соломон Волков, «...Бородин “дома” в стане половцев» (Волков 2008: 73). Показательно, что сегодня черный рэп, заимствуя классические темы, жалуется Бородина и мотив плача Ярославны «Улетай на крыльях ветра...», очевидно, соединяя половцев, грузина Бородина и Петербург в неразрывное целое, что оказывается близко к истине.

Продолжая тему производства музыки в Петербурге в XX в. и распространение ее в мировом масштабе, назову только две фамилии: Стравинский и Шостакович. Первый, правда, стал центральной фигурой мировой музыки, только покинув Петербург — его балеты с Дягилевым были визитной карточкой петербургской культуры; второй стал иконой модернистского направления (атональность которого потом критиковалась партией коммунистов: «сумбур вместо музыки», как жаловалась «Правда»). Оба композитора сегодня среди самых исполняемых в мире. Остаются «за кадром» многие, только перечислим их: Глинка, Римский-Корсаков, Балакирев, Рубинштейн, Глазунов, Прокофьев, Свиридов, Гаврилин, Шнитке. Кроме композиторов нельзя не отметить и петербургских дирижеров, среди самых известных

в мире — Евгений Мравинский, Мстислав Ростропович, а сегодня еще — Валерий Гергиев, Марис Янсонс и Юрий Темирканов.

С музыкой неразрывно связан балет, благодаря Сергею Дягилеву петербургский балет как мировой брэнд получил признание в Европе, а Джордж Баланчин способствовал популяризации петербургского балета в США. Имена Нуриева и Барышникова, бежавших из СССР, также принесли много славы (а не позора, как твердили коммунисты) петербургской школе балета. Благодаря усилиям Валерия Гергиева в скором времени будет сооружено новое здание Мариинского театра оперы и балета (к сожалению, уже не по сверхавангардному проекту Доминика Перро), что существенно расширит репертуар театра и позволит проводить международные конкурсы и фестивали.

В Петербурге построен самый современный концертный зал, что привлекает разных мировых исполнителей, хорошо развито производство (в смысле записи оркестров) классической музыки, причем как традиционной классики (XIX в.), так и ранней (эпохи барокко), проводятся даже фестивали Early Music, записывать классическую музыку в живом исполнении в Петербурге проще и гораздо дешевле, чем где-либо. В Петербурге неплохо представлен джаз, фольклорная музыка, неудачи только с современной танцевальной музыкой (движение «Новые композиторы» как-то приостановилось, за исключением покойного С. Курехина и назвать некого). Петербург привлекает большое количество музыкальных творческих коллективов, которые не обременены контрактами и профсоюзными обязательствами, что должно быть весьма привлекательно для инвесторов, которые умеют смотреть в будущее. Но производство музыки как таковое (CD, MP3 дисков) и распространение музыки через Интернет практически не развито, не могу назвать ни одного собственного петербургского лейбла, известного за рубежом.

Музеи Петербурга, прежде всего, Эрмитаж и Русский музей, составляют центральные интеллектуальные предприятия Петербурга. Недостает только хорошего и богатого музея современного искусства (а ведь материал в Петербурге есть). В целом число посетителей музеев в городе растет и достигло в 2003 г. 18.7 млн., театров 3.1 млн., растет число посетителей кинотеатров (3.7 млн.), поэтому ускоренно сооружаются новые мультиплексные кинотеатры, но проблема с производством фильмов. В Петербурге живут и работают талантливые кинорежиссеры (Ю. Герман, Д. Месхиев), но студия «Ленфильм» потеряла былую славу и динамику.

Петербург — город художников, по моему мнению, в хорошую погоду на улицах города их гораздо больше, чем в любом другом европейском городе — зайдите в любой магазин живописи, и вы обязательно найдете что-нибудь на свой вкус (и кошелек), мировой славой пользуется петербургская Академия художеств, петербургская школа дизайна и прикладного искусства. Среди самых знаменитых художников XIX-XX вв., работавших в Петербурге, стоит назвать Брюллова, Бенуа, Репина, Куинджи, Кандинского, Малевича, Филонова.

В любом промышленном изделии сегодня, будь это автомобиль или холодильник, авторучка или жилое здание, добавленная культурой ценность —

художественная ценность или стоимость дизайнера — занимает все большую долю в общей стоимости, теперь культурная ценность создает «прибавочную стоимость» в продукте, без культуры сегодня нет экономики — поэтому мир искусства приближается к миру экономики. Именно это конкурентное преимущество более всего представлено в Петербурге, что требует особого внимания и учета в выборе приоритета инвестиционной политики.

Литература Петербурга не требует особых представлений. Довольно было бы одного Пушкина или Достоевского, но список петербургских писателей и поэтов огромен. Хотя Достоевский, кстати, как и Гоголь, не испытывали симпатии к Петербургу, но именно по их произведениям можно изучать Петербург. «Надев широкий боливар, Онегин едет на бульвар» — какой именно? Город для Пушкина, Достоевского и Гоголя один из литературных героев. Поэты Петербурга — Блок, Гумилев, Ахматова, Маяковский, Мандельштам, Пастернак, — внесли неоценимый интеллектуальный вклад в развитие культуры, как мировой, так и петербургской. В второй половине XX в. два жителя города на Неве, «отправленные» в путешествие за границу — Бродский и Довлатов — продвигали, и неплохо, петербургскую культуру в массы США.

Архитектура Петербурга сегодня пока не может похвастать такими же успехами, как другие искусства, нет сейчас (и за последние 50 лет) работ, сопоставимых с шедеврами Трезини, Растрелли, Росси, Монферрана, Захарова, Воронихина. Но раз ширится строительство, обязательно появится и добротная архитектура, уже приглашен Норманн Фостер для реконструкции «Новой Голландии», стоит отметить замечательный проект Рейнберга и Шарова на Казанской улице, надо лишь немного подождать и не бояться смелых решений.

Итак, заканчивая с музыкантами, художниками и поэтами, а также музейными работниками, учеными и архитекторами, не побоюсь заметить, что именно эти фигуры (а не все население) определяют культурное лицо города, от них зависит, насколько культурный капитал Петербурга может быть трансформирован в экономический, и далее — в политический.

Экономика Петербурга

Экономика культуры, науки и образования — это будущее Петербурга, но сегодня инвестора, нацеленного на получение быстрой прибыли, больше всего привлекает Петербург как промышленный, транспортный и торговый центр. Об этом не стоит забывать. Сказывается как удобное географическое и транспортное положение Петербурга, его трудовые ресурсы, включая высококвалифицированных рабочих и инженеров, так и особая политика федерального и местного правительства по привлечению в регион инвесторов.

Петербург строился как «окно в Европу», и, как оказалось после распада СССР, Петербург остался единственным крупным морским портом России на Балтике. Для развития промышленности транспортные издержки составляют важную часть себестоимости, поэтому такое географическое положение Петербурга выгодно. Около 10% экспорта и импорта России проходит

через Большой морской порт Санкт-Петербурга, который имеет 60 причалов (в их числе терминал для загрузки «roll-on — roll-off») с глубинами до 11,9 м, его грузооборот составил за 2008 г. около 60 млн. тонн грузов (ближайший по показателям порт РФ в Новороссийске, но до 300 млн. тонн ежегодного грузооборота Амстердамского порта нам еще далеко). Обслуживаются суда водоизмещением до 60 тыс. тонн и осадкой до 11 м (<http://www.pasp.ru/rus/geninfo>). Кроме того, в области работают еще 4 морских порта — в Выборге (порт общего назначения), Высоцке (специализированный порт для перегрузки металлов) и Приморске (здесь расположен крупнейший нефтеналивной терминал, который может обслуживать самые крупные танкеры и который соединяется напрямую с Тимано-Печерским нефтяным регионом с помощью Балтийской трубопроводной системы), в Усть-Луге только что построен терминал, к которому подводятся железнодорожные пути, именно этот порт должен в ближайшем будущем стать центральным многофункциональным портом на Балтике и заменить петербургский порт, для расширения которого уже нет необходимой территории.

Но вот проблема — в 200 км от Петербурга расположен ближайший на территории Евросоюза морской порт Котка, и многие грузы перевозятся оттуда автомобильным транспортом в Петербург и область. Морской транспорт был и остается самым дешевым видом транспорта, поэтому, казалось бы, в этом плане Петербург имеет неоспоримые конкурентные преимущества и в скором времени он станет крупнейшим перевалочным пунктом грузов между Россией и Европой. Не случайно все больше инвестиций привлекает строительство торгово-складских комплексов, логистический и стивидорный бизнес. Тем не менее, почему Котка отнимает часть морских грузов у Петербурга? Почему, например, автомобили со всего мира едут сначала в Финляндию, а затем на автобусах в Россию? Сказывается наше российское неумение правильно и вовремя организовать логистику, безобразная (другого слова нет) работа таможи, неуместная бюрократическая система оформления грузов (по словам одного «самогонщика» американских автомобилей, чтобы «вынуть» из петербургского порта машину, надо десять бумаг, а в Котке — всего одна), как следствие — высокая себестоимость и транзакционные издержки.

С городами России Петербург связан речным путем — через Неву, Ладожское озеро, через каналы Волго-Балтийской системы, Волгу, Каспийское и Черное море. В городе успешно действует Северо-Западное речное пароходство, которое с помощью судов «река-море» обеспечивает большой поток грузов. Но еще больший объем грузов приходится на автомобильный и железнодорожный транспорт. Если сеть железных дорог находится в более или менее приемлемом состоянии, плотность железных дорог составляет 32 км на 1 000 км², то сеть автомобильных дорог явно не достаточна для развивающейся экономики, а их качество оставляет желать лучшего (при этом, что налог на владельцев транспортных средств в Петербурге один из самых высоких в России). Количество автомобилей за последние десять лет резко увеличилось, в Петербурге огромные автомобильные пробки, от них

спасает только хорошо развитая сеть метро. И хотя в последнее время строится кольцевая автодорога и западный скоростной диаметр, что позволит несколько улучшить транспортную ситуацию, тем не менее, в Петербурге и области необходимы значительные инвестиции в дорожное строительство и развитие транспортной инфраструктуры, в том числе и строительство платных дорог. Вот, казалось бы, и сверхзадача в условиях кризиса, однако нет, министерство транспорта снижает финансирование строительства дорог в регионе, а у местной власти нет денег на эти цели — знакомая песня.

Энергетическая обеспеченность и инфраструктура Петербурга и области связана с крупнейшим поставщиком электроэнергии — атомной электростанцией в Сосновом Бору (80 км от Петербурга). Эта станция является крупнейшей в Европе (4 реактора мощностью 1 млн кВт каждый, тип реактора, к сожалению, — Чернобыльский, но уже сооружаются новые энергоблоки). Кроме того, в области действует Волховская гидроэлектростанция, а в Петербурге — две крупные теплоэлектростанции. В 2007 г. на атомной станции около произведено 24 млрд. кВтч электроэнергии, чуть меньше производится другими источниками выработки электроэнергии. Казалось бы — «энергетический рай» для потребителя. Но вот в дело вступает политика, и, как в советские годы, почти половина выработанной электроэнергии экспортируется в другие регионы и страны Евросоюза, около 40% потребляет промышленность и транспорт. Главная проблема электроэнергетики — не производство, а инфраструктура — электроэнергия распределена неравномерно, в различных районах не хватает мощностей понижающих трансформаторов, низковольтные сети находятся в плачевном состоянии, что приводит к дополнительным затратам инвестора на строительство энергетических коммуникаций. За 12 месяцев 2008 г. производство электроэнергии в России составило 1 023,3 млрд. кВтч, что на 2,4% больше, чем в 2007 г. Производство электроэнергии на душу населения в России составляет около 7000 кВтч, в Бразилии 1 776, в Японии 7 718, в Петербурге и области приблизительно 7 250 (по нашим расчетам), однако потребить эту выработанную энергию жителю нашего энергоизбыточного региона крайне сложно — специалисты оценивают дефицит электроэнергии в Петербурге в 10%, мой опыт получения мощности (9 кВт) для дачи составил 5 лет безрезультатного обращения в сетевую компанию при наличии ума, таланта и военной хитрости. Отрасли электроэнергетики и всех видов надзора в этой сфере крайне монополизированы и коррумпированы, что делает цену их услуг заоблачно высокой. Попробуйте, ради интереса, получить разрешение Ростехнадзора в Петербурге, по моему опыту, вам придется провести с этим заведением не один счастливый год. Думаю, что если его упразднить, то стоимость вследствие всех возможных аварий будет меньше, чем общественные «издержки» на то, чтобы «пройти» этот технадзор. Вот еще пример нашего «варварства» в области электроснабжения: компания ИКЕА известна тем, что (только в качестве принципа — ничего личного) нигде и никому не дает взятки, и вот эта компания, построившая в области в 2005 г. комплекс «Мега-Парнас», до сих пор (уже 4 года) не имеет стационарного электроснабжения и пользуется дизель-гене-

раторами, и, насколько мне известно (по слухам), два дня компания работает на себя, и один — на дизель, и т.д., наверное, их прибыль позволяет так «работать», но во всем цивилизованном мире за электроснабжение отвечает не потребитель, а местная власть и местные энергетические компании.

В отличие от европейских городов в Петербурге развито централизованное теплоснабжение — каждый район имеет одну или несколько крупных тепловых станций, которые обеспечивают дома теплой водой и отоплением. Это должно (ведь в этом смысл) существенно удешевлять стоимость отопления, но все же она почему-то (странным образом!) занимает около половины бюджета всех коммунальных платежей — опять сказывается неумение организовать дело правильно? В области отопление автономное, стоимость газа на внутреннем рынке крайне низкая, 0.06 доллара США за м³, но далеко не все районы (и даже Петербурга) газифицированы — за подключение газа Петербургрегионгаз бессовестно обирает жителей, пользуясь своим бесконтрольным монополизмом, а стоимость дизельного топлива гораздо выше — 0.5 евро за литр, что все же для потребителя дорого, поскольку со времен Советского Союза отсутствует льгота на приобретение дизельного топлива для отопления домов — так и платят жители области за дизель как автовладельцы, в стоимость которого включены акцизы на дороги, но передвигаться по дорогам на своих домах пока не получается.

Обеспечение города и области топливом связано с нефтеперерабатывающим предприятием «Киришинефтеоргсинтез», принадлежащим компании «Сургутнефтегаз». Завод расположен в 100 км от Петербурга, его годовая мощность 17 млн. тонн нефти, более 60% продукции завода экспортируется в другие регионы. Однако поставки топлива в город не монополизированы, в ритейловом сегменте действуют такие операторы, как Shell, Neste, Lukoil, BP и др.

Если говорить о промышленном производстве в Петербурге и области, то необходимо выделить две группы отраслей. С одной стороны, это отрасли пищевой промышленности — Петербург столица пива и табака (26.7% всех произведенных обрабатывающими отраслями в 2008 г. товаров в Петербурге), с другой стороны, это отрасли машиностроения (около 9%) — Петербург столица энергомашиностроения и судостроения (корабли и турбины составляют до 50% экспорта Петербурга в другие страны, кстати, экспорт по стоимости на четверть превышает импорт), в ближайшем будущем мы надеемся, что Петербург станет столицей автомобилестроения (сегодня уже 10% всех произведенных в 2008 г. товаров).

Быстро окупаемая пищевая промышленность с самого начала рыночных реформ привлекала внимание инвесторов. Поэтому доля пищевой промышленности в общем объеме регионального промышленного производства увеличилась с 12.8% в 1990 г. до 30% в 2003, а доля машиностроения сократилась с 49.7% до 35.3%. Казалось бы, это неплохо. Пищевая промышленность дает половину всех налоговых поступлений в бюджет города, а по стоимости произведенной продукции опережает машиностроение. Но на деле все гораздо печальнее. За последние 10 лет питание петербуржцев ухудшилось,

ведь за названием пищевой промышленности на самом деле стоит производство пива и сигарет, что вряд ли полезно для здоровья петербуржцев. Например, алкогольных напитков в 2003 г. произведено на сумму, эквивалентную производству всех непродовольственных товаров вместе взятых, и чуть меньше стоимости всех произведенных продовольственных товаров. Крупнейшее в Европе предприятие по производству пива было построено в Петербурге в 1992 г. скандинавским концерном «Baltic Beverages Holding», инвестиции в строительство полностью автоматизированного производственного комплекса составили более 300 млн. долларов. Такие крупнейшие пивные концерны, как «Heineken» и «Synebrüchhoff», приобрели уже действующие предприятия (заводы «Степан Разин» и «Вена»). Все вместе они производят 1 млрд. литров пива в год. Кроме пива в Петербурге сосредоточено производство безалкогольных напитков, американский концерн «Coca-Cola» построил совершенно новый завод, а «Pepsi-Cola» соорудила складской комплекс и дистрибьютерский центр. Среди производства пищевых продуктов также выделяется производство замороженных продуктов, так, производствопельменей достигает 500 млн. тонн, что в 3 раза больше производства в Москве. Производство сигарет (тоже, оказывается пищевая продукция) сосредоточено в Петербурге и области благодаря таким крупным зарубежным инвесторам, как «Philip Morris», «British American Tobacco», «JTI», которые построили совершенно новые предприятия, объем инвестиций составил более 500 млн. долларов США, все вместе они производят 60 млрд. сигарет в год.

Если говорить о производстве непродовольственных товаров, то более всего развито в Петербурге машиностроение и судостроение, на долю этих отраслей приходится 50% всех занятых. Российское судостроение свою историю начинало с Петербурга, с самого начала основания города на «Адмиралтейских верфях» строились деревянные корабли, в 1815 г. был построен первый пароход (деревянное судно с мотором в 4 лошадиные силы). Сейчас судостроение сосредоточено на таких предприятиях, как «Балтийский завод», «Адмиралтейские верфи», «Северные верфи», «Выборгский судостроительный завод». Основная их продукция — военные корабли (линкоры, эсминцы и крейсера в основном для Индии и Китая, стоимостью 500 млн. долларов), подводные лодки, нефтяные платформы, грузовые суда. Важно, что предприятия судостроения сохранили свою научно-исследовательскую и проектную базу, поэтому они осуществляют весь цикл производства продукта — от фундаментальных исследований, разработок и проектирования до внедрения в производство и собственно производства в серии. Вложения в эти отрасли имеют длительный срок окупаемости, кроме того, военное судостроение закрыто для инвесторов, поэтому основная проблема этой отрасли заключается в большом износе основных фондов, в устаревшем оборудовании, а как следствие — низкой производительности труда.

Среди предприятий энергомашиностроения следует назвать холдинг «Силловые машины» (на 25% принадлежит концерну «Siemens»), в который входят объединение «Электросила», «Завод турбинных лопаток», «Ленин-

градский металлический завод» (турбины паровые, газовые, гидравлические, генераторы к турбинам — 80% всего выпуска в России), научно-исследовательские и проектные организации. Также крупнейшее производство энергомашиностроения — «Ижорский завод». Основная продукция: реакторы для атомных станций, генераторы и другие электромашинны. «Кировский завод» (раньше назывался Путиловский), старейшее предприятие Петербурга, выпускает двигатели, трактора и металлоизделия (сегодня в условиях кризиса предприятие не в лучшей форме).

Радиоэлектроника сосредоточена на предприятиях: завод «Арсенал» (космические спутники, артиллерийские и пусковые установки, компрессорные станции); холдинг «Ленинец» (бортовые радиоэлектронные комплексы для летательных аппаратов, головки самонаведения для высокоточного оружия, радиоэлектронная аппаратура); ОАО «Светлана» (изделия элементной компонентной базы, рентгеновские трубки, лампочки).

Металлургическое производство и производство металлических изделий представлено такими крупными производствами, как: «РУСАЛ Бокситогорск», филиалами ОАО «СУАЛ» «Волховский алюминиевый завод» и «Пикалевский глиноземный завод», (последний печально известен остановкой в ситуации кризиса и массовыми выступлениями работников, приездом премьер-министра и публичным наказанием олигархов за «социальную безответственность бизнеса»).

В области находится крупнейшее производство бумаги — Светогорский целлюлозно-бумажный комбинат, который принадлежит американской корпорации «International Paper». Завод входит в тройку самых производительных в мире, основная продукция — бумага формата А4. Также отрасль представлена предприятиями: ОАО «Выборгская целлюлоза», «Сясьский ЦБК», «Санкт-Петербургский картонно-полиграфический комбинат», ЗАО «КАППА Санкт-Петербург», «Каменногорская фабрика офсетных бумаг». Шведская деревообрабатывающая компания «Сведвуд Тихвин» производит детали мебели, в том числе для «ИКЕА».

Производством химических средств (в основном моющих) занимается предприятие «Эра», которое входит в концерн «Henkel». Уникальным предприятием Петербурга является Ломоносовский фарфоровый завод, с 1746 г. он производит фарфор отличного качества и высокой художественной ценности, его изделия часто служат сувенирами, которые символизируют петербургскую продукцию.

Но самым замечательным примером нового развития промышленности в Петербурге является автомобилестроение. Прежде всего, это связано со строительством завода «Ford» во Всеволожске, в 30 км от Петербурга. В 2001 г. началось проектирование и строительство завода, а в 2003 г. завод уже начал выпускать «Форд-Фокус» первого поколения, а затем и второго. На заводе сваривают кузова, работает линия окраски, сборки, наладки и контроля. Доля локализации — деталей, изготовленных в России и используемых для производства машины — не велика, но важно, что она год за годом возрастает. Всего выпускается 40 тыс. машин в год, производство не успева-

ет за ростом спроса, жители Петербурга и области стоят в очереди 3–4 месяца для того, чтобы купить машину из Всеволожска. Успех Форда связан с правильной маркетинговой политикой — очень удачно выбрана модель средней ценовой категории с различными вариантами комплектации (сейчас добавлена модель «Mondeo»), правильно построена система продаж у дилеров, разработаны специальные программы кредитования именно этой модели, наконец, немаловажным фактором является сокращение себестоимости (первая модель «Фокуса» стоила дороже, чем вторая). Форд показал, что в регионе возможно создать с нуля совершенно новое производство, которое может эффективно функционировать, что вполне возможно производить машины приемлемого европейского качества (например, собранные во Всеволожске «форды» не хуже, чем машины, собранные в Германии или Испании, поэтому в Петербурге в прошлом году «фордов» продано больше, чем отечественных автомобилей «Лада», и доля легковых иномарок в автопарке города достигла 52%, что больше, чем в Москве, вот еще один любопытный факт — собранные в Калининграде автомобили BMW имеют меньше дефектов, чем машины, собранные в Германии), что квалификации рабочей силы и петербургских инженеров вполне достаточно для организации современного высокотехнологичного производства.

Поэтому вслед за Фордом первый в мире производитель автомобилей, компания «Toyota», приступила к строительству своего завода в Пушкинском районе Петербурга (промышленная зона Шушары). Инвестиции первой очереди в проектирование и инженерную подготовку производства составили около 150 млн. долларов США, а всего планируется вложить более 800 млн. На заводе «Toyota» уже выпускается модель «Camry» нового поколения, сбыт планируется как в России, так и за рубежом. Что касается рабочих кадров, то в Тойоте на 600 вакансий было 10000 претендентов. За Тойотой как за лидером в Петербург двинулось все японское автомобилестроение — сейчас уже построен и начнет работать завод «Nissan» в промышленной зоне «Каменка» (инвестиции 200 млн. долларов), который выпускает модель «Teana» и «Nissan X-trail», разрабатывается проект завода «Suzuki». Вслед за японцами другой мировой производитель автомобилей, «Hyundai Motors», заявил о планах строительства завода именно в Петербурге (инвестиции составят 400 млн. долларов, планируется выпускать 100 тыс. машин в год, это будет самый крупный автомобильный завод в регионе). Кроме того, бывшая первая компания в мире (а ныне, увы, банкрот), «General Motors», строит завод рядом с «Тойотой» в Шушарах (инвестиции 300 млн. долларов, планируется выпускать 70000 машин в год), сейчас уже функционирует сборочное производство «GM» на арендуемых площадях, выпускается модель «Chevrolet Captiva» и планируется при завершении строительства собственного завода совершенно новая легковая модель «Chevrolet Cruze». Кроме легковых автомобилей в Петербурге организовано производство городских автобусов «Scania», в области также действует предприятие по сборке техники «Caterpillar Тосно». Автомобилестроение привлекает производителей автокомпонентов, создается так называемый автомобильный кластер: Канадская «Magna International»

строит предприятие по выпуску автокомпонентов, во Всеволожске «Нокиан Тайерс» производит шины для легковых автомобилей, в Кенгисепском районе недавно запущен завод швейцарской компании «Евродиск», который будет выпускать стальные штампованные автомобильные диски, испанская компания «Gestamp Automocion» рядом с заводом «Форд» во Всеволожске выпускает кузовные элементы.

В России в 2005 г. было продано 1 600 000 автомобилей общей стоимостью 22 млрд. долларов, прирост составил около 20% в год, а к 2010 г. емкость рынка составит до 2.5 млн. автомобилей в год, причем на долю автомобилей зарубежных марок приходится до одной третьей рынка. Поэтому очевидно, что многие зарубежные автопроизводители рассматривают Россию, и в том числе Петербург, как сборочную площадку для производства автомобилей, причем как для продажи на российском рынке, так и в Европе. Мы надеемся, что автомобилестроение вполне может стать локомотивом всего промышленного производства, но для этого важно сосредотачивать в России и Петербурге весь цикл производства — от разработки идеи, дизайна и технологии до собственно производства, в том числе и самого технологически сложного производства — моторостроения. Развитие автомобильного кластера в Петербурге далеко не случайность, а пример продуманной экономической политики города. Власти выделили около 1600 гектаров земли под создание новых промышленных зон в Шушарах и Каменке, более 10 млрд. рублей из бюджета города было затрачено на строительство их инфраструктуры — подъездных путей и электрических мощностей. Это не так уж мало, но автозаводы скоро начнут приносить дивиденды городу, кроме выпуска продукции (а уже сейчас это 10% всей продукции обрабатывающих отраслей) они станут крупнейшими налогоплательщиками Петербурга, уже сегодня они заполняют не менее 10% всех рабочих вакансий кадровых агентств, увеличивая уровень занятости, а также вокруг автозаводов формируется целый спектр компаний, обеспечивающих их функционирование — от питания сотрудников до клининговых услуг, что способствует развитию бизнеса.

Посмотрите, за счет кого живет Петербург — т.е. за счет каких предприятий происходит наполнение бюджета Петербурга (десять крупнейших налогоплательщиков) — это нефтяники («Газпромнефть», «Роснефть», «Лукойл», «Сибур Холдинг» — Сибирско-Уральская нефтегазохимическая компания), это пивовары («Балтика» и «Хейнекен»), железнодорожники («Октябрьская железная дорога»), металлисты («Северсталь — Ижорский трубный завод»), торговля («X5 Ретейл Групп») и банки (Северо-Западный филиал Сбербанка). Налог на прибыль организаций — один из крупнейших источников доходов бюджета (весь бюджет предполагается 402.9 млрд. рублей в 2009 г., для сравнения бюджет Москвы по доходам превышает его более чем вдвое), но вторая крупнейшая составляющая — налоги на доходы физических лиц (вместе они составляют 64% доходов). Но именно вторая часть доходов возрастает сегодня — доходы от налогов на физические лица

растут на 8% в первом квартале 2009 г., а доходы от налога на прибыль в условиях кризиса сократились почти вдвое.

Экономика не может существовать вне финансовой инфраструктуры, прежде всего, без специализированных кредитных учреждений. В этом плане Петербург сильно проигрывает Москве и другим городам России. В Петербурге просто мало банков, как отечественных, так и зарубежных. Крупнейшим банком в Петербурге и области является Северо-западный филиал Сберегательного банка РФ. Пользуясь своим практически монопольным положением, работает он крайне плохо, это касается и информации, и обслуживания, и цен на услуги, и времени перевода средств (например, однажды нам потребовалось перевести деньги из одного отделения в другое, находящееся на расстоянии 500 м, перенести деньги в наличной форме мы могли бы за 10 минут, а перевод в безналичной форме внутри банка занял несколько дней). Кредитная политика Сбербанка крайне жесткая, неэффективная и громоздкая, может, это и хорошо для акционеров банка — меньше потерь, но не очень эффективно для жителей города — получить кредит, например, под строящееся жилье (долевое строительство) практически невозможно. Но монополия Сбербанка постепенно разрушается, уже объявлено о начале широкомасштабной акции предоставления розничных услуг вторым крупнейшим банком России — Внешторгбанком. Кроме того, в Петербурге начал активно работать американский «Citibank», его специализация — предоставление кредитных карт, которые мало распространены в Петербурге по сравнению с дебетовыми картами, кредитные услуги (кредиты на покупку автомобилей и недвижимости), хорошо предоставляет услуги австрийский «Raiffeisen Bank», который после покупки российского Импэксбанка станет крупнейшим дочерним иностранным банком в России, и российский филиал французского банка «Societe General Vostok», из немецких банков представлен только «Dresdener Bank». В самое последнее время японские банки (в их числе «Bank of Tokyo Mitsubishi») рассматривают возможность открытия филиалов в Петербурге.

Экономика любой страны или региона всегда соединяется с политикой, образуя специфическую политико-экономическую конфигурацию. В еще большей мере это относится к Петербургу — ведь это город президента, премьера и их команды. Президент и премьер стремятся превратить Петербург в дипломатическую столицу: на празднование 300-летия города были приглашены лидеры всех ведущих держав мира, часто встречи на высшем уровне проходят в Петербурге, а в 2006 г., например, именно в Петербурге состоялся саммит G8. Все это придает имиджу Петербурга столичные черты и политическую привлекательность. Да и часть официальных столичных полномочий будет, вероятно, передана Петербургу, в частности, в Петербург переехали высшие судебные власти.

Что касается местной политической власти, то губернатор Петербурга Валентина Матвиенко — представитель команды президента (бывший вице-

премьер правительства), поэтому разногласий между федеральной и местной властью в общем нет. Губернатор Ленинградской области Владимир Сердюков также поддерживается федеральной властью. Федеральное правительство всячески продвигает проекты развития транспортной инфраструктуры региона, проекты развития культуры, проекты сохранения архитектурного наследия. С уверенностью можно сказать, что правительства города и области озабочены развитием экономики региона, они позитивно относятся к рыночной экономике, понимают значимость стратегических инвесторов и пытаются создать наиболее комфортные условия для них. Однако не хватает четкого видения долгосрочных целей развития региона в комплексе, не определены конкурентные преимущества Петербурга, не выделены приоритеты (каждый губернатор по-своему представлял характер Петербурга — то он был туристическим центром, затем банковской столицей, а оказался ни тем, ни другим).

Политическая элита Петербурга в целом однородна, никаких особых скандалов и противостояния нет. В 1990-е годы считалось, что жители города больше поддерживают кандидатов демократических партий (например, «Яблоко»), но сейчас особых политических предпочтений нет, жители города и области выступают за партию власти «Единую Россию» — теперь всех больше интересует стабильность и экономическое благосостояние, а не политические баталии. Может быть, такая ситуация отражает нынешнее состояние общественного сознания жителей города и области, но все же такой сценарий развития событий не подходит для Петербурга, напомним, города трех революций. Будем ждать иного развития событий.

Заключение

Петербург — особое политическое, социальное, культурное и экономическое пространство на карте России. Это единое «пространство-время», которое нельзя расчленять отдельно на экономику, общество и культуру, поскольку тогда теряется всякий смысл, а вместе с ним — конкурентоспособность Петербурга. Когда-то он был столицей России, но и одной из европейских столиц (Иоганн Штраус, очарованный красотой белых ночей, даже сочинил в 1858 году вальс «Прощание с Петербургом»), потом «городом трех революций», затем провинциальным городом советского времени. Теперь, как нам кажется, город приобретает другое лицо — не стремясь в столицы (герольдмейстер Российской Федерации уже давно здесь), Петербург активно развивается как культурный и экономический центр. Возможно, мы живем в лучшее время из всех времен для Петербурга — ему предоставлена неплохая возможность вдали от властей взять реванш за поражения XX в. В соединении экономики и культуры главная черта будущего времени Петербурга, а в их разобщенности — главная проблема настоящего. «Основной капитал» Петербурга (который и при царе, и при коммунистах третировался как «оборотный») — его люди, именно они дали жизнь городу, они питают его культуру и экономику. Именно этот фактор должен быть решающим, когда мы говорим, от чего зависит будущее Петербурга и каким ему быть.

Литература

Волков С. История культуры Санкт-Петербурга: с основания до наших дней. М.: Эксмо, 2008.

Гуриев С., Рачинский А. Неравенство: Рио-де-Москва // Ведомости. № 85 (1612). 15.05.2006.

Довлатов С. Ремесло. СПб.: Азбука-классика, 2004.

Ленинградская область: Статистический ежегодник. Официальное издание. СПб.: Петростат, 2004.

Санкт-Петербург: Статистический ежегодник. Официальное издание. СПб.: Петростат, 2004.

Страны и регионы 2005. Статистический справочник Всемирного банка. М.: Издательство Москва, 2005.

Темкин А. Минус 8% // Ведомости. № 94 (2364). 26.05.2009.

Умаление бизнеса // Ведомости. 25.02.2009.

CIA World Factbook. Wash., D.C., 2008.

Schwab K., Porter M.E. Global Competitiveness Report, 2008-2009. World Economic Forum, Geneva, Switzerland, 2008.